

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

К. Мондэй

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: Е. Ф. КАНКРИН В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена исследованию того, как в популярном образе национальной традиции экономической мысли трансформируются, распространяются и используются коллективные воспоминания о прошлом. Этот процесс рассматривается на примере интерпретации наследия графа Е. Ф. Канкрин в русской общественной мысли XIX–XX веков, в сравнении с западной историографической традицией. Изучаются предпосылки и результаты формирования из фигуры крупного государственного чиновника, связанного с немецкой и общеевропейской теорией и практикой камерализма, образа экономиста-первооткрывателя национального масштаба. Библиогр. 146 назв.

Ключевые слова: национальная идентичность, Российская империя, интеллектуальная история, история экономической мысли, камерализм, общественное сознание.

Ch. Monday

NATIONAL IDENTITY AND ECONOMICS: GEORG CANCRIN IN THE “RUSSIAN SCHOOL” OF ECONOMIC THOUGHT

This article will uncover the hidden roots of the “Russian School” of economics, a potent trend in post-Soviet Russian politics, by scrutinizing how historians and economists have portrayed a key figure for that body of thought, Egor Cancrin, who was the Minister of Finance (1823–1845) under Nicholas I. This article is not his biography, but rather it analyzes how various contending interpretations of Count Cancrin’s stewardship of the Ministry of Finance combined to become a part of the modern Russian national identity and a pattern for the way Russians think about economics. By tracing this particular discursive trajectory, I will produce a snapshot of Russia’s social epistemology. Refs 146.

Keywords: National identity, Russian empire, Intellectual History, History of Economic Thought, Cameralism, public conscience.

1. Введение: российская политика и мифотворчество

В данной статье мы стремимся достичь понимания того, каким образом трансформируются, распространяются и используются коллективные воспоминания о национальном прошлом. Именно с этой целью рассматривается один примеча-

Крис МОНДЭЙ — кандидат экономических наук, адъюнкт-профессор (доцент), Ю. Корея, Университет Донгсо, Сасанггу Журе-2-донг, Пусан. 617–716; chismonday@gmail.com

Chris MONDAY — Ph.D., Associate professor, South Korea, Dongseo University, Jurye-ro Sasang-gu, Busan, 617–716; chismonday@gmail.com

тельный частный случай борьбы за право на репрезентацию и интерпретацию национально-политической жизни XIX столетия.

Политологи и экономисты, которые изучают переходные процессы, протекавшие в бывшем Советском Союзе, часто сосредоточивают свои усилия лишь на изменениях в «институтах», подразумевая, что политические актёры мотивированы сугубо рациональным личным интересом. Не отрицая важности изучения экономических институтов, мы более склонны к подходу, для которого фундамент легитимности власти заключен в акциях, относящихся к символической сфере [Schudson, 1992]. Ведь в условиях современного государства манипуляция значимыми для общества символами делает возможным осуществление власти без прямых насильственных методов [Кара-Мурза, 1998].

После краха коммунистической системы возник консервативный идеологический проект, нацеленный на сохранение «национальных» традиций в экономике и политике [Verdery, 1999, p. 35]. Итогом его воздействия стало выдвигание национального мифотворчества на главные рубежи и в современной экономической науке [Smith, 2002, p. 158–184]. Центральная категория подобных построений — это понятие национальности, расцениваемой как врожденное качество политических субъектов и как существенная основа политики.

Мы, напротив, склоняемся к мнению, что само понятие «национальность» является чрезвычайно неоднозначной конструкцией, порожденной во многом трениями между конкурирующими общественными группами. В качестве иллюстрации той существенной роли, которую интерпретации национальной истории могут играть сегодня в российской экономической мысли и политической жизни, используем примеры популярного изображения деятельности Егора Канкрин — заметной фигуры не только российской истории, но и современного национального мифотворчества. Возможно, это будет способствовать проникновению в сам механизм последнего. В нескольких разделах нашей статьи мы попытаемся проследить, как прежний образ крупного чиновника немецко-еврейского происхождения трансформировался в фигуру научного первооткрывателя и хозяйственного практика национального масштаба.

2. Историографическая стена: проблемы интерпретации экономических идей Канкрин

Историки и экономисты не случайно уделяли столько внимания исследованию деятельности Канкрин. Сам граф Егор Францевич часто повторял, что в течение всей его службы на посту министра финансов (1823–1845) он оставался приверженцем одной и той же экономической системы¹. Рассмотрение этой системы имеет большое значение для изучения российской истории в период правления Николая I, поскольку ее принципы зачастую определяли имперскую политику первой половины XIX в. в таких сферах, как торговля, налогообложение, образование и национальный вопрос.

¹ Канкрин писал об этом фактически в каждом из своих ежегодных отчетов императору (см., напр.: [Канкрин, РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 98, 105]).

Несмотря на то что о министре финансов написано много, и не только советскими экономистами, единого мнения относительно сущности его экономических взглядов не существует. В связи с этим интересно отметить, что в 2002 г. были опубликованы две работы с абсолютно противоположными точками зрения на его взгляды. В работе Л. Е. Шепелёва утверждается, что экономическая политика Канкрина делала упор на модернизацию и индустриализацию. Иоахим Цвайнерт (Zweynert) считает министра финансов приверженцем романтического экономического учения (*romantische Wirtschaftslehre*) Адама Мюллера, выступавшего за возврат к средневековому хозяйству [Шепелёв, 2001; Zweynert, 2002, S. 186–192].

При рассмотрении вопроса о месте Канкрина в истории российской экономической мысли и в экономической истории России речь идет также об общекультурных представлениях, характерных для того времени, когда он жил, и носителем которых он являлся. Эти представления касались модернизации России и ее общемировой роли. Неудивительно, что в современной историографии так велико различие между интерпретацией идей Канкрина за рубежом и в России, обнаруживаемое даже при помощи количественных методов. Так, начиная с 1978 г. и по настоящее время во всех наиболее основательных русскоязычных текстах, упоминающих Канкрина (их удалось найти 17), он представлен как «прагматичный реформатор», «русский Лист» или «сторонник промышленного развития»². В то же время с 1968 по 2002 г. 9 из 11 иностранных источников описывают Канкрина как «романтика», «реакционера» или «архиконсерватора»³. Можно, видимо, говорить о закономерности.

Что касается степени изученности, нельзя сказать, что общий уровень знакомства зарубежных исследователей со своим предметом превосходит соответствующий уровень российских ученых. К примеру, один из самых авторитетных специалистов по истории экономической мысли в России — Эстер Кингстон-Манн разделяет господствующее в зарубежной «русистике» представление о Канкрине: «После 1825 года правительственная экономическая политика была сформирована, прежде всего, уроженцем Германии N. [sic!] Канкриным — реакционером, который расширил репрессивные полномочия правительства» [Kingston-Mann, 1999, p. 73]⁴. Из приведенной цитаты читатель может получить довольно яркое представление об

² Рассмотрены работы: [Дубянский, 1990; 2004, с. 101–105; Редько Г. И., Редько Н. Г., 2004, с. 171, 175, 203, 271; «Канкрин Е. Ф.», 2001, с. 630; Федорченко, 2003; Шепелёв, 2001; Юровский, 2000; Сенин, 1999; Бобров, Боброва, 1999; Семенкова, Карамова, 1999; Дема, 1997; Ружицкая, 1996; Татар, 1995; Каыхова, 1992; Семенкова, Семенов, 1992; Петишкина, 1995, с. 10; Зайончковский, 1978, с. 116].

³ Рассмотрены работы: [Cummins, 2001, p. 58; Kingston-Mann, 1999, p. 73; Dixon, 1999; Pintner, 1967; Blum, 1961, p. 284–285; Zweynert, 2002, S. 186–192; Blackwell, 1968, p. 141; Evtuhov, Stites, 2003, p. 42, 50; Pintner, 1980].

Лишь явное меньшинство иностранных исследователей придерживаются мнения о Канкрине, подобного тому, которое встречается в русскоязычной литературе [Lincoln, 1978, p. 183–184; Raeff, 1957, p. 58].

⁴ “After 1825, government economic policy was shaped above all by the German-born N. Kankrin,” a reactionary who expanded the “repressive powers” of the government.

Английский историк экономического развития Саймон Диксон утверждает: «Экономический либерализм не произвел никакого впечатления на... Канкрина... который был носителем классического меркантилистского представления, будто богатство мира сохранялось в неизменном, установленном количестве, принципа, который управлял всем его подходом к экономике» [Dixon, 1999].

Эссе, помещенное в Интернете и предлагающее английским студентам образец для написания курсовой работы, дает нам ценную информацию о том, как обычно трактуется российская экономическая политика времен Канкрина в курсах по русской истории в центральных зарубежных уни-

общем уровне знакомства американской русистики со своим предметом. Уточним: Georg (или «Е. Ф.») Канкрин, ставший министром финансов уже в 1824 г., родился в Гессенском курфюршестве. Большое число зарубежных исследований о Канкрине ограничивается лишь указанием на его «реакционную» политику, касающуюся строительства железных дорог. Историк экономического развития России Джером Блум пишет: «Канкрин выступал против строительства железных дорог, считая, что они только способствуют бродяжничеству. Данное мнение привело к тому, что в уме царя Николая I создалась путаница поистине имперских размеров ...» [Blum, 1961, p. 285].

В монографии Уолтера Пинтнера, являющейся наиболее часто цитируемым трудом по вопросам, касающимся Канкринина, при выделении некоторых положительных аспектов практических мер Канкринина, главным образом, подчеркивалась реакционная сторона его экономической теории, которую он будто бы заимствовал у Адама Мюллера. Пинтнер приходит к выводу, что Канкрин «вообще не имел никакой полноценной теории» [Pintner, 1967, p. 25].

Общий тезис о «власти тьмы» над Россией послужил в свое время мощным аргументом в пользу проведения политики холодной войны. Любопытно, что этот тезис, на который опирается Пинтнер, основан на элементарной ошибке. Дело в том, что авторитетный политик Николаевской эпохи безобразно «перевел» ключевую для него фразу Канкринина следующим образом: «The author is no economist trained in financial affairs» («Автор не является экономистом, искушенным в финансовых делах») [Ibid., p. 15]. Выдуманная цитата служила главным доказательством, подкрепляющим мнение Пинтнера о слабой теоретической подготовке Канкринина и о реакционном характере правления Николая I. Ввиду популярности данной работы это положение вошло в зарубежную историографию. В действительности же Канкрин писал: «Автор не является физиократом в финансовых делах»⁵.

В то же время историк и ярый противник исторических и политических выводов Ричарда Пайпса — Марк Рэфф выражал мнение меньшинства зарубежных исследователей о Канкрине (хотя и в беглых замечаниях): «Иностранные государственные деятели, подобно фон Штейну и Канкрину, помогли представить правительству и двору принципы новой науки об экономике» [Raeff, 1957, p. 58]⁶. Не случайно до холодной войны в большинстве популярных зарубежных учебников по русской истории Канкрин был представлен как министр, использовавший «научные методы и усовершенствование государственного аппарата» для стимулирования

верситетах. «Канкрин придерживался подозрительного отношения к экономической науке, включая поддержку протекционизма...» [Advances under Alexander I...].

Учебник Филиппа Кумминса также является важным источником по вопросу о том, как иностранные ученые рассматривают русскую экономическую мысль этого периода: «Николай I всячески препятствовал экономическому росту и развитию из-за своей боязни, что быстрая индустриализация породит неустойчивость и желание реформ, которые подвергли бы опасности его власть ... Политика Канкринина ... и была разработана так, чтобы вызвать экономический застой. Каждая отрасль экономики должна быть под опекой государственной монополии, исключая участие купцов» [Cummins, 2001, p. 58].

⁵ Ср. в немецком оригинале: «Man sieht, der Verfasser ist kein Oekonomist im Finanzwesen. Das physiokratische System ist ein System ohne Menschenkenntnisse» [Cancrin, 1809, S. 1].

⁶ Возможно, что в данном случае Рэфф опирался на авторитет своего научного руководителя Г. Вернадского, благосклонно смотревшего на деятельность Канкринина. По мнению Вернадского, Канкрин был «способным финансистом, кто верил прежде всего в экономию» [Vernadsky, 1936, p. 308].

«нормального» капиталистического развития. Например, бывший студент Ключевского Бернанд Парес называет его «осторожным государственным мужем, обладающим широким административным опытом», который «действовал как сторожевой пес государства» [Pares, 1926, p. 310, 320]⁷.

Если резюмировать, то здесь мы имеем дело с различными подходами к изучению процессов бюрократизации, индустриализации и модернизации, а не с обоснованным анализом научного аппарата Канкринна. Более того, поскольку занимаясь им авторы рассматривали экономическую теорию ученого в тесной связи с его экономической политикой, они неизбежно привносили в исследование собственные идеологические предпочтения, что приводило к искажению действительного смысла и содержания деятельности Е. Ф. Канкринна как министра финансов. Например, разбор его монетарных взглядов в конечном счете опирается на интерпретацию «денежной реформы 1839–1841 гг.» — реформы, против которой Канкрин в действительности был решительно настроен как в теории, так и на практике. Данное мероприятие на самом деле предлагал и проводил ярый противник министра финансов, польский финансист, князь К. Ф. Друцкой-Любецкий⁸.

Переходя к более сложному феномену, к представлениям о Канкрине, имеющим место в русской историографии, мы должны обратиться к анализу мифотворчества, который требует объективного метода исследования. Поэтому, не касаясь прямо вопросов правдивости, правдоподобности или правильности основных различающихся интерпретаций наследия Канкринна, определим для начала социальные группы, которые их предложили. Именно по этому принципу мы разделили на категории все проанализированные нами источники с целью показать, какое влияние система экономических взглядов Канкринна оказала на формирование традиций российской социально-экономической мысли.

Существующая литература о Канкрине позволила нам выделить пять самостоятельных направлений в интерпретации образа ученого. Первые биографы Канкринна (А. К. Мейендорф, А. А. Кейзерлинг, В. Г. Бенедиктов и др.), главным образом *придворные историки и государственные бюрократы*, были склонны рассматривать его доктрины в рамках немецкого и русского вариантов «полицейского права». В их понимании, он успешно связал основные течения современной для его времени экономической мысли. *Либералы*, представители второго направления (Л. В. Тенгоборский, И. В. Вернадский, В. П. Безобразов, С. С. Муравьев и др.), рассматривали его как апологета реакционного подхода, которому они противопоставляли универсальные принципы политической экономии (для них существовала одна-единственная «наука»). Третья интерпретация наследия Канкринна была дана *группой ученых-естественников* (А. П. Шипов, К. А. Скальковский, В. П. Кеппинг, Н. Я. Данилевский

⁷ Подобные взгляды на Канкринна высказывали и некоторые другие авторы (см., напр.: [Kirchner, 1991, p. 144; Wren, 1968, p. 346–350; Narcave, 1959, p. 231].

⁸ Хотя некоторые исследователи, например Миклашевский или Судейкин, начали исследовать несогласие Канкринна с денежной реформой 1839 г. и его действительную точку зрения на монетарные вопросы [Миклашевский, 1895; Судейкин, 1891], большинство историков до сих пор продолжают трактовать «денежную теорию Канкринна», исходя исключительно из этой реформы. «Канкрин, — утверждает в одном учебнике, — разработал проект реформы денежной системы в России, который получил одобрение императора Николая I. Денежная реформа, вошедшая в историю как реформа Канкринна, была проведена в 1839–1843 гг.» [История экономических учений, 2002]; см. также: [Семенкова, Семенков, 1992, с. 48; Сперанская, 1998, с. 18; Zweynert, 2002, S. 187].

и др.). По их мнению, его доктрина проистекала из необходимости раскрыть и использовать огромный, но скрытый геологический потенциал Российской империи, который, как тогда представлялось, был сосредоточен главным образом на территории современной Украины. Сверх того, необходимо было более уверенно опираться на пока еще недооцененные возможности внутреннего рынка империи. В этом контексте взгляды Канкринна все более стали восприниматься как производные от «национальной экономики» Фридриха Листа. Четвертое направление интерпретации представлено *социалистами* (М. И. Туган-Барановский, М. А. Покровский и др.), которые рассматривали экономическую теорию Канкринна как часть общей реакционной суперструктуры имперского режима. Эта концепция была впоследствии развита советскими исследователями (И. Г. Блюминым, А. И. Пашковым, В. М. Штейном, П. Г. Рындзюнским и др.). С их точки зрения, политика министра финансов объективно приводила к торможению развития страны. Канкрин якобы стремился к этому. *Исследователи постсоветского периода* (Л. И. Абалкин, И. В. Ружицкая, В. Е. Юровский и др.) предложили последнюю, пятую интерпретацию: они видят в Канкрине одного из основоположников «русской школы» экономической мысли, воскрешая идею о том, что он стал чуть ли не «русским Фридрихом Листом».

Изучая все эти разнообразные мнения о Канкрине, важно учитывать раздробленность «российских институтов экономической науки», приводившую к крайним разногласиям в оценках ученого. Представители указанных групп имели неодинаковый академический уровень и выражали свое мнение с помощью разных средств (включая эпиграммы, докладные записки и газетные статьи). В практике преподавания политэкономии и других теоретико-экономических наук в российских университетах, в отличие от немецких, традиционно редко придавалось значение изучению работ отечественных предшественников. Поэтому к 1860 г. российские «либералы» если и писали о камерализме, то рассматривали его в качестве полнейшего анахронизма, оказавшись не в состоянии «расшифровывать» тексты Канкринна. Напротив, географы, биологи и металлурги Российской империи получили образование, опиравшееся на национальный вариант камералистских традиций, что дало им несколько «искаженный» код к толкованию камералистики. Вот почему они обнаружили в текстах Канкринна новое значение. К концу XIX в. национальный камерализм как академическая дисциплина начал развиваться в таком неожиданном направлении, что первоначальные теоретические предположения Канкринна стали совершенно непонятны новой аудитории. Для большинства советских исследователей «учения камерализма» только воскрешали в памяти смутный, враждебный образ немецкого засилья, подспудно влиявший на общественное представление о теории Канкринна.

3. Официальное толкование традиции Канкринна

Самые ранние попытки сформировать публикациями образ Е. Ф. Канкринна были предприняты как им самим, так и его близкими коллегами — людьми, связанными с Министерством финансов и, в частности, с Горным корпусом этого министерства. Барон А. К. фон Мейендорф (1798–1865) и граф А. А. Кейзерлинг (1815–1891), которые уверяли Российское правительство в необходимости дальнейшего развития ме-

таллургического потенциала, восторженно отзывались о “политике” Канкрина как действенной, своевременной и целесообразной⁹.

Под эгидой министра финансов барон А. К. фон Мейендорф, П. И. Кёппин и граф А. А. Кейзерлинг внесли важный вклад в формирование модели географического видения Российской империи. Например, Кёппин (Köppen) развивал камералистскую «описательную» статистику, сочетавшую качественные исследования населения, географии и экономики. В таких его трудах, как «Russlands Gesamtbevölkerung im Jahre 1838» [1843] и «Statistische Reise in's Land der Donischen Kasacken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850» [1852], утверждалось, что Российская империя является мультиэтническим государством с экономическими, социальными и языковыми традициями, не сходными с европейскими. Кроме того, Кёппин указывал на обширный потенциал внутреннего рынка империи. Мейендорф, будучи центральной фигурой в Мануфактурном совете и в организации промышленных выставок, создал первую карту индустриальных центров империи (1842) [Мейендорф, 1849]. Вместе с Мейендорфом граф Кейзерлинг (зять Канкрина) участвовал в подготовке исследования сэра Родерика Мерчисона «The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains» (1845). Этот труд, в котором была выделена самостоятельная пермская геологическая система (наряду с силурийской и девонской, открытыми несколько ранее тем же Мерчисоном), не только внес фундаментальные изменения в географические представления о России, но и имел немаловажное идеологическое значение, поскольку теперь здешний хозяйственный строй «естественным образом» отделялся от Европы¹⁰.

Канкрина воспринимали как вдохновителя главных географических исследований в Российской империи этого периода, где, помимо Мерчисона, работали Фредерик Ле-Плэ и Александр фон Гумбольдт. Исследования Гумбольдта фактически лично финансировались и организовывались Канкриным [Cancrin, 1869]. Эти социально-экономические и геологические исследования оказали большое влияние на экономическую мысль в России и получили большой общественный резонанс.

Изменения в географических представлениях воображении были тесно связаны со сдвигом в представлениях относительно национализма¹¹. В нашем случае еврейское происхождение Канкрина служило для современников всего лишь подтверждением многоэтничной природы империи. Подобным же образом и культурная «немецкость» Канкрина превращала его в предвестника имперского продвижения. Иными словами, что касается культурного процесса «отчуждения» («Othering»)

⁹ Защищая политику Канкрина, М. Шулепников писал: «Благодаря мудрым мерам, положенным Правительством, и ревностному исполнению оных со стороны Министерства финансов, мы освобождаемся уже от одного, едва ли не самого пагубного из всех (предрассудков. — К. М.), и выходим из заблуждения, которое столь долгое время ослепляло людей даже весьма умных. Начинаем наконец верить и видеть, что есть русская рукодельная промышленность, знаем уже многих русских фабрикантов по именам, спрашиваем у купцов русских товаров и перестаем стыдиться, говоря, что носим на себе русское изделие» [Шулепников, 1830, с. 38].

¹⁰ Об идеологическом подтексте «имперских» исследований Мерчисона (см.: [Stafford, 1989]).

¹¹ Бенедикт Андерсен выдвигает на первый план некоторые особенности развития национализма в полиэтнических империях, указывая на роль натурализации власти королевских династий в многоязычных странах. Подобные монархии ставили перед собой задачу преобразования в «народные» империи, активно проводя с этой целью политику «просвещения» и используя, в частности, распространение печати и проведение научных экспедиций.

в российской дискурсивной структуре, то понятие «чужой» играло центральную роль в общественном дискурсе.

Столкнувшись в конце своей жизни с исходившими от правительства обвинениями в чрезвычайной пассивности, Канкрин специально создал собственную биографию, чтобы отождествить себя с Жан-Баптистом Кольбером¹². Образ французского министра был навеян только что опубликованным панегириком Жерома-Адольфа Бланки, в котором Кольбер был представлен честным чиновником, обладавшим чувством собственного достоинства и использовавшим доверенный ему пост, чтобы смело бороться с коррупцией [Blanqui, 1837, p. 410–423].

Первые биографы Канкринина, указывая на его романтически-консервативные наклонности и на наличие всестороннего культурно-научного образования (*Bildung*), постоянно подчеркивали его чуткость к потребностям промышленников и купцов. В итоге был создан образ бесконечно преданного идеалам Российской империи экономного технократа, со всеми его туманными романтическими проявлениями.

Например, в статье (предположительно написанной А. К. Мейендорфом) из одной популярной среди российской аристократии французской энциклопедии мы читаем: «Он (Канкрин. — К. М.) обнаружил и сумел использовать гений русской нации, таким образом создавая для своих подчиненных пример человека неутомимой энергии и редкой бескорыстности... В своей службе он мог рассчитывать только на собственные достоинства и огромный талант — качества, которые вознесли его на высокую должность» [Canclin G., 1860]¹³.

Официальные некрологи также описывали Канкринина как сострадающего бюрократа, одновременно указывая на его всестороннее образование, литературную деятельность и успешную финансовую политику. Одна правительственная газета заканчивала некролог следующими словами: «Хотя граф Е. Ф. Канкрин все свои сочинения писал на немецком языке, но, тем не менее, слава его принадлежит нашему Отечеству, которое открыло такое блистательное поприще его гению» [О Графе Канкрине, 1847, с. 79].

В 1860 г. в полуофициальном издании *Journal de St. Pétersburg* можно было прочесть следующее:

«Кольбер, которого Канкрин справедливо высоко ценил и которому он подражал, ввел коммерционный порядок во Францию, система которого до сих пор носит его имя. Кольбер считал, что промышленность сначала передвигалась на костылях, но, после роста и успеха и в целях общего блага, в конечном счете оказалась способна конкурировать с иностранной промышленностью. Каждый просвещенный или разумный человек должен понять, что если некоторые ограничения — средства, свобода — цель, которая должна быть разыскиваема последовательным усилием. Даже после издания тарифа 1822 г.¹⁴ никто не понял лучше, чем Canclin, что *соревнование* — источник всякого совершенствования — должно стать главной заботой правительства» [Cardonne, 1860, p. 577–578, 582].

¹² К примеру, адмирал Н. С. Мордвинов редко упускал случай, чтобы не напомнить элите о насущной необходимости для Империи найти своего собственного Кольбера, чтобы он открыл спящий потенциал нации.

¹³ Похожие отзывы см. также: [Sternegg, 1876; «Канкрин Е. Ф.», 1866; «Канкрин Е. Ф.», 1847; «Канкрин Е. Ф.», 1880; «Канкрин Е. Ф.», 1889, с. 120].

¹⁴ Новые пошлины 1822 г. были особенно высокими.

В. Г. Бенедиктов (1807–1873)¹⁵, работавший секретарем Канкрин в Секретном комитете Министерства финансов и многократно издававший его записи, посвятил своему начальнику оду под названием «Ему» [Бенедиктов, 1902, с. 20–22].

4. Либеральная ревизия

По сравнению с Европой Российская империя имела мало институционализированных форумов для дискуссий по экономическим вопросам. Граф П. Д. Киселёв (1788–1872) [Заболоцкий-Десятковский, 1882, с. 177–178], князь К. Ф. Друцкой-Любецкий¹⁶, адмирал Н. С. Мордвинов¹⁷ (1754–1845), князь-адмирал А. С. Меншиков (1787–1869) подвергли Канкрин критике в форме придворных записей и бюрократических циркуляров, которые имели всего лишь протоидеологическую форму. Критика со стороны высшего света была непродолжительной. Отрывки из дневников и архивные материалы свидетельствуют и о грубых видах критики в форме личных нападок, язвительных замечаний и саркастических эпиграмм¹⁸.

К 1840 г. русская элита отчаянно препятствовала польскому сепаратистскому направлению «*odrębność*», частично сотрудничая с теми поляками, которые настаивали на том, чтобы Польша развивалась только в тесной связи с Россией (направление, которое будет названо «*ugoda*»). Поэтому русская элита обратилась к Л. В. Тенгоборскому (1793–1857), протеже К. Ф. Друцкого-Любецкого, с просьбой способствовать торговле между Польшей и остальной частью Российской империи. В работах Тенгоборского об австрийских финансах проявилось его умение анализировать экономическую реальность способом, приемлемым для русской бюрократии. Он стал путеводной звездой для «просвещенных бюрократов»¹⁹, которые использовали его близость ко двору, чтобы включить свои собственные исследования в его публикации. Итогом стала «*Les Forces Productives*» («Производительные силы») — умело составленная для Первой Всемирной выставки работа, содержащая убедительную критику всей экономической системы Канкрин. Переведенное на английский, рус-

¹⁵ Канкрин был известен своей заботой о различных авторах и поэтах, которые «служили» в Министерстве финансов, в том числе о В. Г. Бенедиктове, В. А. Жуковском, Н. В. Кукольнике, М. Д. Делярю и П. А. Вяземском.

¹⁶ Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki (1778–1846). Из-за своих силовых методов обеспечения армии Канкрин впоследствии нажил много врагов, включая и этого выходца из княжеского польско-белорусского рода, именовавшегося в России Ксаверием Францевичем, в 1821 — 1830 гг. — министра финансов Царства Польского. «Основной его (Канкрин. — К. М.) принцип, — пишет К. Ф. Друцкий-Любецкий, — состоял в снабжении армии любой ценой, независимо от средств. Став министром финансов, он только расширил применение этого принципа, заботясь лишь об удовлетворении основных расходов суверена, а не о нахождении новых источников для всенародного дохода. Поскольку он был скорее казначеем, чем министром финансов, под его управлением общественное богатство оставалось постоянно инертным» (см.: [Esquisse..., 1865, p. 51–52]).

¹⁷ В Государственном Совете Н. С. Мордвинов оказался самым влиятельным антагонистом Канкрин. Он заслужил репутацию вечного оппозиционера. Канкрин и Мордвинов излагали свои позиции и аргументы обычно в «секретных» записках [Иконников, 1873, с. 220–226, 446–477, 505–512, 517, 578, 584–588].

¹⁸ Например, Рибопьер писал, что Канкрин ненавидел «Россию и всех русских» [Рибопьер, 1877, с. 11].

¹⁹ Брюс Линкольн, развивая идею Марка Рэффа, разработал концепцию «просвещенной бюрократии». Эту концепцию следует рассматривать в контексте его попытки доказать, что государство действительно способствует прогрессивным тенденциям [Lincoln, 1982].

ский и польский языки, это обозрение экономики России начала XIX в. постоянно ссылается на иностранные источники²⁰.

После поражения в Крымской войне Российская империя готовилась к очередной дозе «шоковой терапии», и поэтому возможности для критики были открыты²¹. Российское либеральное движение того времени, представлявшее странную смесь только что появившейся «немецкой» исторической школы, теорий свободной торговли, сенсимонизма и социализма, никогда не было в состоянии создать последовательную идеологию. В рамках теории «экономических институтов» можно обсуждать вопрос о том, почему тогдашние либералы были так далеки от своих предшественников. Как известно, они обучались за границей, читали на нескольких иностранных языках и были близко знакомы с ведущими зарубежными экономистами того времени. Язык камерализма был им чужд. Характерно, что российские либералы воспринимали вождя «немецкой исторической школы» Рошера всего лишь как «фритредера», равно как и Жана-Батиста Сэя и Клода Фредерика Бастиа.

К примеру, в энциклопедической истории экономической мысли И. В. Вернадского²² нет даже упоминания о камерализме²³. Он характеризовал Канкрин как деятеля «протекционистской школы» наряду с Фихте, Мюллером, Листом и Кэри²⁴. Вот что пишет Вернадский по поводу «Экономики человеческого общества...» Канкрин:

«Целью этого сочинения, как говорит сам автор, было представить плоды своего двадцатилетнего опыта министра; но опыт этот, к несчастью, представляет нам чрезвычайно мало в научном отношении. Почти весь он заключается в нескольких давно известных и частью опровергнутых положениях; тем не менее везде виден догматический тон, но мало убедительных статистических доводов²⁵. При множестве рубрик не видно строгой системы или широкого взгляда. Вообще мало знакомый с успехами новой науки, автор высказывает убеждения и мнения середины прошлого столетия... Дошедши до некоторых научных результатов не путем изучения, а собственным опытом, он придает им излишнюю важность, охотно дает советы, даже о вещах, давно известных, и еще охотнее говорит о себе. Вследствие всех этих недостатков книга гр. Канкрин носит на себе характер то сдержанного памфлета, то памятной книжки чиновника, то руководства министра финансов, как он понимает это звание. В своих показаниях и рассуждениях Канкрин неточен в словах и в значительной степени поверхностен. Иногда он даже непоследователен и противоречит сам себе» [Вернадский, 1858а, с. 202–203]²⁶.

²⁰ С тех пор в польскоязычной литературе представлены, прежде всего, «реакционные черты» графа Канкрин: «Był zwolennikiem systemu prohibicyjnego, wyższania kredytu państwa nad prywatny, ceł ochronnych, a nieprzyjacielem konstytucjonalizmu, zwłaszcza angielskiego, oraz wszelkich ówczesnych nowości, jak: banki, drogi żelazne» [«Kankrin, Jerzy»..., 1900, S. 77].

²¹ Именно тогда впервые появился термин «гласность» в его современном значении.

²² Вернадский (1821–1884) был профессором экономики в Московском университете и издателем газеты «Экономический указатель» — форума либеральных, европейски ориентированных экономистов.

²³ В одной из работ Вернадский кратко упоминает нескольких камералистов в главе «Меркантилизм» [Вернадский, 1858б].

²⁴ Генри Чарльз (Henry, 1793–1879) — автор «The Harmony of Interest: Agriculture, Manufacture, and Commercial».

²⁵ Приходится констатировать, что Канкрин в данной работе не предлагал никаких «статистических доводов». Здесь, как и в других своих сочинениях, Вернадский неточен.

²⁶ По поводу влияния взглядов Вернадского на Канкрин см.: [Цаголов, 1956, с. 391–392].

Как идеология масонов сплотила старое поколение русских либералов, так сенсимонизм вдохновлял либералов 1860-х годов. «Наука» указывала путь. Согласно российским сенсимонистам, Российская империя находилась в относительно выгодном положении для использования передовой технологии железных дорог, строительство которых возможно было обеспечить совместными усилиями государства и банковской элиты.

Канкрин, решительный противник сенсимонизма (о котором он узнал из докладов А. К. Мейендорфа из Парижа) [Донесение агента М. Ф. Барона Мейендорфа...], стал теперь для либералов 60-х годов символом реакционной мысли.

Экономическая концепция В. П. Безобразова²⁷ была отчасти порождена его неприязнью к Канкрину. Приведя несколько цитат из Канкринина, направленных против банков и железных дорог, Безобразов пишет:

«Трудно представить себе воззрения на финансовые вопросы, более враждебные науке, чем учения г. Канкринина. Судьбе угодно было, чтобы эти своеобразные и причудливые воззрения на экономический мир сделались руководящими началами в государственном хозяйстве России в течение той самой четверти века, в которую совершился величайший экономический переворот у всех народов Западной Европы, в самый разгар той эпохи, когда вся Европа, пользуясь плодами мира, создала сеть своих железных дорог, а Англия реформами Р. Пиля ушла на бесконечное расстояние от понятий ее народных представителей 1811 г.» [Безобразов, 1867, с. 27].

Публикация Александром Кейзерлингом путевых записей Канкринина только подлила масла в огонь и усилила вражду к нему со стороны либералов. Некоторые цитаты из этой публикации, казалось, доказывали обратную природу доктрин Канкринина. Некий автор из либерального журнала «Отечественные записки» на основе данной работы предлагает такую характеристику экономических взглядов Канкринина: «Но если по вопросу о железных дорогах граф Канкрин является, как мы видим, отсталым только от своего XIX века, то по другому вопросу, о торговле, он отстал еще более: в этом отношении он придерживается взглядов XVI и XVII столетий, утверждая, что в торговле *один выигрывает за счет другого*» [П. М. ..., 1866, с. 282]²⁸.

Будущий министр финансов А. М. Княжевич (1792–1870) писал о Канкрине: «В своей заботе о счастье и душевном спасении всех подданных государства он относится самым враждебным образом ко всему, что содействует умственному развитию человека» [Княжевич, 1866, с. 4]²⁹. В 1866 г. либерально-деловая газета «Голос» характеризует финансовую теорию Канкринина следующими словами: «Система эта была во всех ее корнях гнила» [Ассигнации..., 1866] (см. также: [Муравьев, 1865]).

²⁷ Безобразов, будучи лично знаком с такими представителями «исторической школы», как Штейн, Рошер и Вагнер, был самым авторитетным экономистом того времени, писавшим на русском языке.

²⁸ Данная «неуважительная» рецензия на книгу «Aus den Reisetagebüchern» [Canrcin, 1865] встретила яростную критику на страницах консервативной газеты М. П. Погодина «Русский» (см.: [Мысли..., 1876]).

²⁹ Вместе с тем другой министр финансов, Н. Х. Бунге, еще более склонный к либеральной идеологии, опубликовал относительно положительную (если не скучноватую) рецензию на работу Канкринина «Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirthschaft» (1821). Это стало предтечей будущего раскола в либеральном лагере, поскольку Бунге в последующие годы перешел в консервативную старину «исторической школы» [Бунге, 1864]. Бунге, по-видимому, много заимствовал из рецензии Горлова [Горлов, 1846].

В Академии критика официальной правительственной политики считалась недопустимой, поэтому в университетских записях лекций по экономике редко встречаются упоминания о Канкрине. Например, в лекциях И. Я. Горлова (1814–1890) по теории торговли мы обнаруживаем страстную защиту свободной торговли, основанную на работах Бастиа и Тенгоборского, по-видимому, прямо нацеленную против протекционистской торговой системы Канкринна. Прямого упоминания о Канкрине тем не менее нет [Горлов, 1859, т. 1, с. 374–410]. Исключение составляют лекции В. П. Безобразова в Александровском лицее, где частично были разрешены открытые дискуссии. Например, Безобразов смело пишет: «Эта политика, теоретически основанная на меркантилистских экономических понятиях гр. Канкринна, заключалась вообще в неподвижности и своим фальшивым ультра-консерватизмом вполне соответствовала общему направлению по всем другим частям государственного управления». В конце концов, по мнению Безобразова, данная политика привела к поражению в Крымской войне [Безобразов, 1878, с. 82]³⁰.

5. Изменение образа: Канкрин как «пророк железа»

Одновременно с вышеописанной интерпретацией традиций Канкринна существовала и иная точка зрения. В период правления Николая I группа молодых естественников, получивших образование в имперских традициях, занималась разработкой нового взгляда на экономику, который частично опирался на их восприятие политики Канкринна. В 1820–1860 гг. в своих «реформаторских» проектах бюрократическая элита периодически возлагала надежды на трансформацию образовательных институтов империи. Эти попытки зачастую с помощью цензурного надзора оказывались успешными в том смысле, что благодаря им появилось новое поколение «практических» ученых-естественников и управляющих, чьи экономические взгляды исходили в основном из традиций российского камерализма. Так, в Николаевское время камерализм заменил лекции по политической экономии во многих университетах. Курсы «благочиния» и «полицейского права» (*Polizeiwissenschaft*) — прямые ветви камерализма — входили в число основных учебных предметов на всех русских юридических факультетах (где главным образом преподавали экономику) до 1917 г. Данная педагогическая традиция наложила отпечаток на поколение, воспитывавшееся в Николаевский период.

Новую группу геологов и металлургов возглавил А. А. Скальковский (1808–1898), который в молодости робко посылал Канкрину каждый свой доклад или отчет об улучшении экономического положения Новороссийского региона [Письма Канкринна...].

По его мнению, бывший министр финансов поставил перед естественной наукой цель и даже моральную обязанность открыть и использовать металлургические «рычаги» империи³¹. В 1860–1870-е годы геологические доклады Скальковского и горных инженеров И. Г. Боголюбского (1841–1897) и В. П. Кёппинга (1844–?) читались интеллигенцией с большим энтузиазмом, нежели любые другие экономические

³⁰ Характерно, что Безобразов выступал за полное устранение всей терминологии, связанной с камерализмом, из педагогической практики [Безобразов, 1878, с. 89–93].

³¹ Тот факт, что особый вид полевого шпата получил название «канкринит», служит свидетельством любви геологов к Канкрину.

брошюры³². Они разработали новую доктрину, согласно которой российский внутренний рынок увеличился настолько, что может поддержать политику форсированного развития, которая исходила из наличия богатейших природных ресурсов Империи, особенно из ее металлургического потенциала. По их мнению, упор следует сместить с полуфеодальной металлургической промышленности Урала на хорошо обеспеченную Донецкую область. Металлургию, теперь уже не просто одну из «природных сил», следует сделать локомотивом промышленного развития. Эта доктрина рассматривалась как завещание Канкрина будущим поколениям.

Например, А. П. Шипов (президент Нижегородского фондового рынка и ведущий протекционист, основатель деловой газеты «Вестник промышленности» (1800–1878)), один из первых биографов Канкрина, опирается на статистические данные, которые, по его мнению, должны неопровержимо «доказать» успех бывшего министра финансов в развитии металлургии³³, что способствовало стабилизации национального денежного обращения [Шипов, 1864, с. 5–14]. Более того, металлургия является источником повышения производительности для всех других, в том числе и социальных, секторов экономики. По мнению Шипова, Тенгоборский обманул доверчивых русских либералов своей пропагандой опрометчивой фритредерской политики, которая вызвала хаос в российской промышленности.

«Тогда, — пишет он, — под влиянием преимущественно учения г. Тенгоборского господствовала идея, будто Россия есть по преимуществу государство земледельческое, а развитие промышленное действует во вред земледелию, что впоследствии и выразил Тенгоборский в своем сочинении. Но Канкрин видел вещи яснее и глубже. Он находил, что развитие промышленное необходимо для успехов земледелия, которому необходимо должно предшествовать, — а для развития всяких промышленности необходимо содействие мануфактурному развитию» [Там же, с. 26–27].

Но, на беду, «внутренние враги» взяли вверх над честным человеком: «Постоянная борьба Канкрина с различными противниками его планов во имя достижения великой его цели потрясла, наконец, его здоровье, что в преклонных его летах, конечно, было опасно» [Там же].

В предисловии к второму русскому переводу работы Канкрина «Экономика человеческого общества...» («Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften...», 1845)³⁴, напечатанному в деловой газете «Деятельность», мы видим новое «национальное» толкование наследия Канкрина:

«Мало кому известно в России это сочинение. Все иностранное и новое, каково бы оно ни было, имело тогда какую-либо особенную невыразимую прелесть в глазах русского общества. Все русское и старое *без разбора* клеймилось печатью отвержения и *рутинности*... Ни памяти о графе Канкрине, ни труду его тогда, стало быть, не было на русской общественной арене места... Увидим... и то, что весьма несправедливо принимают гр. Канкрина за какого-то абсолютного врага теории фритредерства. Нет,

³² См. некоторые ранние работы: [Боголюбский, 1878; Скальковский, 1847]. О Скальковском см.: [Боровой, 1961a].

³³ Для данного направления были характерны отказ от прежних описательных, «камералистских» методов статистики и использование более обобщающих количественных методов. Его представители оставили большое количество необработанных данных, которые до сих пор используются в исторических исследованиях.

³⁴ Первый русский перевод см.: [Канкрин, 1846].

по понятиям его, фритредерство, само по себе, in abstracto (отвлеченно. — К. М.), как идеал и конечная цель, которых достичь в *отдаленном* будущем *должно* и России, — теория непреложно верная; но он враг только применения ее теперь, в данную минуту, к младенчеству еще, в сравнении с его “зрелыми” уже конкурентами, русскому народу. Немец по происхождению, но ставший русским по душе (и тем самым давший собой живой пример того, чем стать должен каждый русский подданный, из какой бы он ни был нации), гр. Канкрин решает только то, что если уж, почему бы то ни было, неизбежен бы стал выбор между бедствием — мало того — даже смертью лионского рабочего, и бедствием и смертью подмосковного фабричного, то пусть лучше уж бедствует и умирает лионский рабочий, чем работающий на фабрике подмосковный помещик!» [Бесценное на Неве..., 1868].

В это же время, в 1860-е годы, воспоминания о Канкрине буквально наводнили все только что созданные специальные журналы, уделявшие большое внимание обработке и использованию архивных материалов. Они имели тенденцию описывать бюрократа сверхчеловеческих способностей, бесконечно преданного службе³⁵. «Редкое знание всех отраслей военного хозяйства, — вспоминает один бывший его подчиненный, — дало Канкрину возможность указать и провести значительные сокращения в издержках военного министерства и тем восполнить предстоявший на 1823 г. недочет» [Кейзерлинг, 1866, с. 115]. Помимо этого, все критические высказывания, касающиеся Канкринина, в этих журналах были намеренно исправлены. К примеру, М. Н. Лонгинов (1823–1875) — один из главных редакторов «Русского архива» — считал необходимым исправлять негативные комментарии относительно таланта Канкринина в области архитектуры³⁶. «Нельзя никак сказать, чтобы граф Канкрин был “неудачлив на деле” в архитектуре. Технологический и Лесной институты³⁷ лучше всего свидетельствуют об “удачах” этого необыкновенного человека, за что бы он ни принимался. Нельзя не радоваться, что появляются у нас сведения об этом славном государственном муже, истинном мудреце в жизни...» [Лонгинов, 1866, с. 271].

Многие деловые журналы (особенно московские) также делали упор на необходимости пересмотра наследия Канкринина. В анонимной статье в газете «Московские ведомости» писалось: «Иностранец по происхождению, связанный с Россией только службой своего отца и некоторое время не решавшийся последовать за ним, граф Канкрин, с тех пор как вступил в русскую службу, вполне усвоил себе Россию как свое отечество, весь предался ее интересам и желал всячески содействовать ее благосостоянию» [По поводу столетия..., 1874, с. 2]. Газета «Санкт-Петербургские ведомости», опираясь на только что открытые архивные материалы, в 1866 г. характеризовала финансовую систему Канкринина как «строгую» и «экономную» [Двенадцатилетняя финансовая деятельность..., 1866, с. 1–2].

³⁵ П. Любимов, бывший чиновник Министерства финансов, оскорбленный критическими замечаниями в адрес Канкринина в либеральных газетах, рассказывает случай, как Канкрин принял решение о 60%-ной прибавке к зарплате служащих [Любимов, 1868, с. 1].

³⁶ Например, в сатирическом стихотворении «Канкриниада» С. А. Соболевского содержится намек на то, что построенная Канкриним Александровская колонна дала трещину [Соболевский, 1897].

³⁷ В качестве министра финансов Канкрин должен был руководить строительством многих государственных зданий, из которых двумя его любимыми проектами были здания Технологического и Лесного институтов. Технологический институт стал впоследствии, к концу XIX в., центром радикальных движений в Петербурге. Канкрин так полюбил свой Лесной институт (ныне Лесная академия в Санкт-Петербурге), что, переехав туда жить, построил неподалеку великолепный парк.

К середине 1880-х годов учение об особой роли России в мировом хозяйстве стало центральным для многих интеллигентов, получивших образование в области естественных наук. В частности, биолог Н. Я. Данилевский (1822–1885), военный инженер Ф. М. Достоевский (1821–1881) и химик Д. И. Менделеев (1884–1907) представили убедительные аргументы в поддержку концепции, предложенной их собратьями-металлургами, которые исходили из новых интерпретаций славянофильства³⁸. Казалось, что, опираясь не на чистую «теорию», а на «национальную» науку, протекционизм и развитие геологии помогут создать поистине «славянскую цивилизацию».

Н. Я. Данилевский писал в 1867 г. о связи «национального подхода к науке», геологии и «действующей» экономической теории в новой идеологической форме:

«Когда до ученых XVII и начала XVIII века дошло известие о необыкновенных, с точки зрения западного европейца, сибирских холодах, для объяснения их сочли нужным прибегнуть к принятию огромной выпуклости или вздутости земного шара на равнинах Сибири. Но когда узнали, что огромное влияние на климат имеют распределение воды и суши, вращение земного шара, холодные и теплые морские течения и т. д., то увидели, что в этой гипотезе нет никакой надобности, и вообще пришли к заключению, что вопрос о распределении климатов до того усложняется, что пока вовсе не подлежит теоретическому решению, и что в руках климатологии остается лишь одно средство — здравая эмпирия. Кажется, что в экономических вопросах результаты, добытые такими эмпириками, как, например, Кольбер и Фридрих Великий, граф Канкрин и государственные люди Соединенных Штатов, заслуживают несравненно большего уважения, чем умозрения науки, очевидно, обладающей слишком слабыми средствами для решения ее многосложных задач путем чистой и общей теории» [Данилевский, 1890, с. 385].

Необходимо обратить внимание на изменяющийся характер национализма в XIX столетии в Российской империи, что, в частности, проявилось и в эволюции интерпретаций доктрин Канкринина. Сначала идеи Канкринина трактовались как проявление утверждения и экспансии мультиэтнической империи, допускавшей региональные различия. К концу XIX столетия политика Канкринина получила иное толкование: теперь она рассматривалась как важный элемент процесса продвижения к объединенной, этническо-русской империи. Но неизбежно возник вопрос о том, на помощь какой именно нации была направлена «национальная» политика министра финансов. Первый ответ на него дал Бенджамин Дизраэли. В его романе «Coningsby» один из главных героев Сидония (Sidonia), прототипом которого был барон Ротшильд, утверждает, что евреи, по их естественному превосходству, должны принять лидерство в мировых делах, и что этот процесс уже начался.

«Вы, — говорит Сидония, — никогда не обнаружите крупного интеллектуального движения в Европе, в котором бы не участвовали евреи. Первые иезуиты были евреями. Та таинственная российская дипломатия, которая так тревожила Западную Европу, организована и преимущественно ведется евреями... Несколько лет назад, —

³⁸ Данилевский начал свою журналистскую карьеру с защиты протекционизма. Его известную концепцию цивилизаций, которая была поддержана Достоевским, следует рассматривать как общее продолжение более ранних экономических писем. Менделеев приложил значительные усилия в деле защиты российской протекционистской идеологии. О протекционистских идеях Менделеева см., напр.: [Менделеев, 1892].

продолжает Сидония, — мы примерялись к России. Тогда не было никакой дружбы между Санкт-Петербургом и моим семейством... Однако сами обстоятельства привели к сближению между Романовыми и Сидониями. Я решил ехать непосредственно в Санкт-Петербург. По прибытии я, встретившись с российским министром финансов, графом Канкриным, созерцал сына литовского еврея... Так что Вы видите, мой дорогой Конингсби (Coningsby), что мир управляется совсем иными фигурами, чем предполагает неосведомленное публичное мнение» [Disraeli, 1845, vol. 2, p. 203–204]³⁹.

Этническая концепция, предложенная Дизраэли, была использована другими. В частности, историк-экономист Вильгельм Рошер считал, что благодаря своему этническому происхождению Канкрин принадлежал к некоей «немецко-русской школе». По Рошеру, немецкие экономисты в России, всесторонне обрабатывая русский опыт, открыли новый стиль в экономической мысли, бросив вызов экономическим аксиомам классической науки [Roscher, 1874, S. 813ff.] (критический анализ концепции Рошера см.: [Seraphim, 1924]). Как можно было ожидать, в новой атмосфере подъема национализма картина с тевтонскими руководителями и их русскими последователями, нарисованная Рошером, не пользовалась особой популярностью. Например, бывший народник Лев Тихомиров утверждал, что братские связи, которые должны объединить великорусов, украинцев и белорусов, разъединялись немцами, в частности Канкриным [Tikhomirov, 1892, p. 94].

Главная тенденция в волне националистических толкований состояла, однако, в том, чтобы обсудить еврейское происхождение Канкрина⁴⁰. Константин Аполлонович Скальковский (сын Аполлона Александровича) представил националистическое толкование теории Канкрина, которое лучше вписывалось в идеологическую обстановку конца XIX в. В своей истории российских финансов сотрудник «Нового времени» дает яркое (основанное на дневниковых записях Ф. Ф. Вигеля) [Вигель, 1892, ч. 6] описание оппонента Канкрина, министра финансов Гурьева, как взяточника, поставившего Россию на колени перед Западом. Патриотично настроенный Канкрин в конечном счете смог склонить чашу весов в пользу России. Благодаря высоким торговым пошлинам и покровительству неокрепшей промышленности он оживил российскую экономику [Скальковский, 1890, с. 409–459]. Также характерно, что Скальковский указывал на некоторые «недостатки» идей Канкрина, мешавшие всестороннему развитию «национальной экономики», вроде протестов против развития банков и железных дорог.

Это националистическое понимание наследия Канкрина было в конечном счете одобрено бюрократической элитой и московскими промышленниками. Министр финансов И. А. Вышнеградский⁴¹ часто обращался к «здравым» идеям своего знаменитого предшественника, формулируя собственную промышленную политику. Граф С. Ю. Витте (1849–1915) проявил еще большую верность Канкрину: именно он приказал повторно перевести на русский язык его «Экономику человеческого общества»⁴².

³⁹ О еврейском происхождении Канкрина см.: [Sainty; Fritsch, 1936; Weimarer..., 1912, S. 49].

⁴⁰ Многие источники оспаривают еврейское происхождение Канкрина (см.: [Кейзерлинг, 1866, с. 114; Pipes, 2002]).

⁴¹ Вышнеградский, министр финансов в 1887–1892 гг., был одним из первых профессоров в Технологическом институте Санкт-Петербурга — учреждении, основанном Канкриным.

⁴² В предисловии к новому (третьему) переводу “Die Oekonomie...” (1894) утверждалось, что Канкрин был русским Ф. Листом. Также говорилось и о том, что памятник Канкрину следует уста-

К 1890-м годам хвалебные речи в адрес Канкрин стали нормой. Это помогало его внукам, разделявшим новые взгляды на «традицию» Канкрин, собирать семейные документы для биографов⁴³, не позволяя вносить в них коррективы. К примеру, внук бывшего министра финансов Е. В. Канкрин содействовал появлению нового перевода работы деда по экономической науке, на который, однако, следует сослаться осмотрительно [Граф Канкрин..., 1894]: оно было переведено на русский язык безобразно, целые отрывки из него пропущены, другие же, наоборот, искусно выдуманы. К сожалению, это издание все еще цитируется. Например, в оригинале написано: "Die Menschen aber sehen ein Finanzgesetz nicht an, wie eines, das ein natürliches Verbrechen bestraft, daher der große Hang zur Contrebande, besonders auch bei den Damen" [Cancrin, 1845, S. 230]. В искаженном русском «перевод» мы читаем: «Но люди смотрят как-то на финансовый закон не так, как на другой какой-либо, карающий обыкновенное естественное преступление; поэтому большая страсть к контрабанде, в особенности среди дам и преимущественно еврейского происхождения» [Граф Канкрин..., 1894, с. 195]. Данный «перевод» все-таки утвердился, и из-за него Канкрин нажил много врагов и сомнительных друзей.

Влиятельный историк И. С. Блюх (Jan Gotlib Bloch, 1836–1901), написавший большую работу по истории русских финансов, считал, что «Граф Канкрин возымел смелость посмотреть злу прямо в глаза и признать финансовую несостоятельность государства; но, несмотря на это, он постоянно пользовался доверием ко всем своим мероприятиям не только Государя, но и публики» [Блюх, 1882, т. 1, с. 158]⁴⁴.

И. Н. Божерянов, пытаясь соперничать с фундаментальной работой об адмирале Мордвинове, написанной крупным историком В. С. Иконниковым, смог всего лишь собрать важные, но весьма запутанные документы [Рецензия на Божерянов, 1898, с. 4; Мигулин, 1899, с. 88]. Его работа, иллюстрированная патриотическими изображениями царской семьи, дает портрет человека, преданного Российской империи и свободного от всякого рода экономических догм. В рамках национальных тенденций того времени Божеряновым были развенчаны мифы о Канкрине как о терпеливом, чересчур мягком человеке. Он-де, в отличие от либерала Сперанского, был «гонителем евреев» [Божерянов, 1897, с. 156]⁴⁵. В довершение к своему портрету портрета Канкрин Божерянов пишет:

новить между памятниками Барклаю-де-Толли и Кутузову у Казанского собора в Санкт-Петербурге (см.: [Граф Канкрин..., 1894, с. i–vii]).

В русском переводе «Национальной системы политической экономии» К. В. Трубников также сравнивал Канкрин с Ф. Листом, которого, как известно, высоко ценил Витте (см.: [Лист, 1891, с. vii]).

⁴³ О взглядах потомков Канкринных мы можем узнать из их публикаций. Сын Е. Ф. Канкрин, гофмейстер Александр Егорович (1822–1891), выступал против свободной торговли ([Канкрин А. Е., 1870]). Между тем, пытаясь проводить «статистическое» исследование еврейской колонии, внук Е. Ф. Канкрин Иван Викторович заключил: «Тяжелый, но честный труд земледельца им ненавистен, и не только потому, что он требует физической работы, но потому, что нет места здесь обману, — этой главной основе всех жизненных проявлений быта евреев» [Канкрин И. В., 1893, с. 248].

⁴⁴ См. также польское издание: [Finanse Rossyi..., 1882]. Статья о Канкрине в иллюстрированной польской энциклопедии была основана и на толковании Блюха (см.: ["Kankryn(Canrin)...", 1903, S. 636]).

⁴⁵ Представив М. М. Сперанского как «пособника евреев», антисемит Шугуров далее уверял, что Канкрин сыграл немаловажную роль в ограничении прав еврейского населения Николаевской России [Шугуров, 1903].

«Итак, польза и выгода во всяком деле были у графа Канкринна на первом плане, а реформы в области государственного хозяйства и администрации, волновавшие его творческий ум, всегда были основаны на научном знании и воодушевлены человечностью; вот отчего все мероприятия графа Канкринна являлись для жизни не паллиативными, но строго рациональными, и некоторые из них сохранились до сих пор, а то, что было отвергнуто тогда, принимается теперь...» [Божерянов, 1897, с. 244]⁴⁶.

По мнению профессора Санкт-Петербургского университета В. А. Лебедева (1833–1909), сутью теории Канкринна была программа осторожной, прагматической индустриализации [Лебедев, 1896]. Р. И. Сементовский (1846–1918), излагая с сочувствием биографию Канкринна, писал:

«Когда речь будет заходить о тех наших государственных деятелях, которые в тяжелое время брали на себя защиту интересов нашего народа, — и отдаленнейшее потомство не забудет Канкринна, этого немца, не научившегося правильно говорить и писать по-русски, но горячо преданного русскому народу» [Сементовский, 1893, с. 94].

6. Образ Канкринна у социалистов и в советской историографии: «идеолог крепостного права»

Дерптский университет стал своеобразным мостом между русской и немецкой системами мышления. Работы Вагнера, Штейде и Нольда имеют все недостатки и положительные стороны «исторической школы»: изобилие документов и отсутствие анализа. Так, в первых по-настоящему научных работах о Канкрине, написанных в основном в Дерптском университете, Канкрин рассматривался как выдающийся практический деятель, который тем не менее обходился без теории. Михаэль Нолькен, будучи аспирантом у профессора У. Штейде, пишет: «Хотя Канкрин имел многостороннее образование, он был не столько глубоким или оригинальным теоретиком, сколько практическим деятелем. Его теория, опираясь на собственный практический опыт, верна лишь касательно его» [Nolcken, 1909, p. 277]⁴⁷.

Большинство исследований, выполненных в духе «исторической школы», проводят мнение о том, что Канкрин был мудрым практиком, использовавшим инструменты государственного вмешательства для развития «национального хозяйства». Например, по поводу торговли К. Н. Лодыженский (1858–?), обычно занимавший нейтральную позицию в дебатах по вопросу о свободной торговле, так восхищался мыслью Канкринна, что рекомендовал опубликовать полное собрание его сочинений [Лодыженский, 1886, с. 199–225]. М. Н. Соболев (1869–1945) дает более умеренную оценку деятельности Канкринна, основанную на анализе классовых интересов [Соболев, 1911]. Но при анализе истории торговли в рамках Российской Академии наук дело дошло до того, что попытка даже объективного изложения доводов российских либералов против Канкринна встретила яростное возмущение среди профессоров. Например, в своем отзыве о книге Соболева профессор И. М. Гольдштейн писал: «Совершенно непонятны затем взгляды автора на стр. 849, где проф. Соболев бессознательно высказывается в пользу доктрины “laissez faire, laissez aller”, хотя

⁴⁶ Божерянов имеет в виду предполагаемые «реформы» Витте в области торговли и денежного обращения, которые были якобы основаны на замыслах Канкринна.

⁴⁷ В своей магистерской диссертации А. Шмидт проводит похожее мнение по поводу Канкринна (см.: [Schmidt, 1875, S. iv]).

эта точка зрения, понятная в устах Адама Смита, Рикардо или Кобдена, навряд ли может быть признана правильной в современную нам эпоху....» [Гольдштейн, 1916] (см. также: [Stieda, 1883]). По поводу государственных финансов П. П. Мигулин считал, что «финансовое положение России в царствование императора Николая I было в достаточно удовлетворительном состоянии, главным образом — благодаря выдающейся деятельности графа Канкрин...» [Мигулин, 1913, с. 77]. Подводя итог, можно сказать, что историческое направление в экономической науке рассматривало Канкрин как великого практического деятеля, который весьма разумно действовал без чрезмерного углубления в сухую теорию.

Многие советские исследователи, принимая во внимание аргументы Вернера Зомбарта и Густава Шмоллера, считали, что на первых стадиях капиталистического развития политика протекционизма была необходима. Поэтому, с их точки зрения, политику Канкрин можно рассматривать как прогрессивную. Например, М. Н. Покровский утверждал, что идеология Канкрин была призвана обосновать необходимость ускорения роста «промышленного капитала» [Покровский, 1933, с. 82]⁴⁸. Сталинская энциклопедия 1936 г. описывает Канкрин как «последовательного защитника протекционизма в промышленности» [«Канкрин», 1936, с. 77].

Русский либеральный социалист М. И. Туган-Барановский (1865–1919) способствовал коренному изменению взглядов на Канкрин. Он сумел по-новому использовать «генетически-исторический» метод. В частности, показал, что истоки народничества на самом деле лежат в «реакционной» мысли Николаевского времени. По его мнению, Канкрин, так же как барон А. Гакстгаузен, был против любых форм прогресса — от машин до городов. Кроме того, эти реакционно настроенные немцы действительно предложили идею о том, что община якобы обладает социальным потенциалом. Туган-Барановский в 1895 г. писал: «Министр финансов Николая I говорит языком Сисмонди или народников нашего времени» [Туган-Барановский, 1997, с. 307]⁴⁹.

⁴⁸ К. В. Сивков также утверждал, что теории Канкрин выражали интересы нового промышленного класса [Сивков, 1914].

⁴⁹ Остановимся на методе «цитирования», использованном Туган-Барановским при анализе взглядов Канкрин [Туган-Барановский, 1997, с. 309–313] и других экономистов. На эти, часто приводимые (обычно без указания на Туган-Барановского!) цитаты следует ссылаться осторожно. Молодой ученый, торопясь закончить свою магистерскую работу, допустил ряд погрешностей. Во-первых, он обратился только к переводу «Oeconomie...» («Экономика человеческого общества...»). Далее он из текста Канкрин выбросил ключевые «заключительные слова», которые указывают на то, что автор объяснял свои положения посредством иронии. Канкрин весьма иронически оценивал все надежды и «истины» либералов: предельная иллюзорность их теорий была для него очевидна. Так, после своих нападок на «фабричную систему» (об этих нападках как раз и упоминает Туган-Барановский [Там же, с. 310]) Канкрин замечает: «Но оставим этот удручающий горестью предмет» («Doch verlassen wir diesen betrübenden Gegenstand»). Данное ироническое высказывание ясно указывает на отношение автора к описываемому. По мнению министра финансов, такие социально-экономические явления, как фабрика, приносят определенные нежелательные последствия с точки зрения практического разума, но они все-таки неизбежны и неотвратимы. Данная позиция существенно отличается от взглядов «Сисмонди и наших народников». Наконец, Туган-Барановский разбивал приведенные им цитаты словами вроде «послушаем его дальше» [Там же] и подобными фразами, создавая впечатление последовательного обращения к тексту Канкрин. Но на самом деле цитирование продолжается с материала, находящегося на 60 страниц ниже! Мнимая «цитата», предьявляемая Туган-Барановским, распространяется на многие десятки страниц. В данном случае выпады Канкрин против «фабрик» направлены, главным образом, против государственных фабрик (см.: [Canrcin, 1845, S. 60–61]).

Вклад Туган-Барановского, который одним из первых начал серьезно изучать русскую экономическую мысль, нельзя, однако, переоценивать. Его популярные лекции буквально гипнотизировали целое поколение будущих советских историков и экономистов. Кроме того, поскольку он писал на немецком языке, его работа наряду с работой Тенгоборского стала основным источником для зарубежных экономистов, изучавших русскую экономическую историю или экономическую мысль XIX в.

В советское время в целом прижилась оценка Канкрина, данная Туган-Барановским. Последнюю на сегодняшний день полную оценку экономических доктрин Канкрина дал И. Г. Блюмин (1897–1957). Делая акцент на влиянии «немецкой» мысли на относительно молодую «русскую» экономическую науку, Блюмин дает краткий обзор камерализма. Используя классовую методологию, он провозглашает Канкрина «официальным идеологом протекционизма». Блюмин подчеркивает реакционный характер экономических взглядов министра финансов, испытывавшего страх перед городами и пролетариатом⁵⁰, хотя в то же время он отмечает некоторые антиаристократические, прогрессивные элементы подхода Канкрина [Блюмин, 1940, с. 137]. К несчастью, работа Блюмина, в целом «симпатизирующая» русским немцам, была опубликована в канун Второй мировой войны. Само собой разумеется, что это означало конец профессиональных исследований Блюмина по вопросам истории русской экономической мысли.

На страницах «Большевика», главного экономического журнала партии, И. Г. Блюмина критиковали за недооценку достижений этнических русских экономистов в противоположность немцам. Связать этот эпизод с развернувшейся на рубеже 1940-х и 1950-х годов кампанией против космополитизма следует по двум причинам. Во-первых, это была попытка показать достижения «русских» экономистов в противовес иностранным. Во-вторых, немецкоязычные экономисты, как, к примеру, тот же Канкрин, изучались преимущественно советскими учеными еврейской национальности, что давало повод для разжигания так называемой борьбы с космополитизмом.

П. А. Хромов, например, напал на Блюмина за недостаточно четкое определение революционных и антиреволюционных направлений в экономической мысли. «Русская экономическая мысль, — писал он, — является важнейшим этапом в развитии мировой экономической науки. Многие русские экономисты были оригинальными мыслителями, шли в уровень с экономической наукой своего времени и двигали ее вперед... Вопреки фактам, И. Блюмин явно недооценивал значение экономических работ таких крупных русских экономистов того времени, как Мордвинов, Полевой, Герцен, В. Милютин, декабристы...» [Хромов, 1944, с. 36].

Кроме того, по его мнению, Блюмин явно преувеличивал достижения немецких экономистов. «Немецкие ученые, в частности и экономисты, у нас в России играли большей частью реакционную роль... Канкрин, которому в книге отводится также (т. е. вместе с обширным обсуждением взглядов Шторха. — К. М.) много места, всеми силами тормозил развитие в России железных дорог и крупного фабричного производства» [Там же].

⁵⁰ Аналогичное толкование экономической идеи Канкрина встречается в работе А. В. Предтеченского, считавшего Канкрина представителем дворянского класса. «Канкрин, — писал историк, — зорко охраняя интересы дворянской бюрократии Николаевского царствования, всячески хотел умалить значение и влияние учреждения (Мануфактурный совет. — К. М.), которое само по себе не могло возбудить особой симпатии со стороны правительства, принужденного в вопросе о Мануфактурном совете оказать явную уступку буржуазии» [Предтеченский, 1932, с. 393].

Блюмина критиковал и Ф. М. Морозов (1900–?), который писал: «Канкрин боролся против политического прогресса России и вместе с Николаем I проводил реакционную политику, сковывавшую развитие производительных сил страны, укреплявшую позиции крепостного строя... О Канкрине можно сказать лишь то, что он был верным слугой крепостного режима и в своих экономических взглядах, и в практической деятельности» [Морозов, 1944].

Немногие осмеливались оспорить эту интерпретацию. Поэтому на протяжении всего советского периода Канкрин преподносился как «выразителя взглядов консервативного и реакционного дворянства. В обстановке разложения крепостного хозяйства он выступил последовательным защитником интересов помещиков... Будучи министром финансов, стремился задержать рост промышленного капитала...» [Туманова, 1975, с. 95].

А. И. Пашков (1900–1988) в период кампании против космополитов пришел к выводу, что Блюмина не надо подключать к работе над созданием «Истории русской экономической мысли в России». Это четырехтомное сочинение в течение долгого времени было главным источником по истории экономической мысли в России. Морозов, обвинивший Блюмина в космополитизме, написал главу «Консервативная и реакционная аристократическая идеология», в которой рассматривались взгляды Канкринина и Карамзина [Морозов, 1958, с. 29–38]. Указывая на «ошибки» предыдущих исследователей, Морозов утверждал, что идеология Канкринина была полностью реакционной: «На протяжении всего XIX века в дворянской литературе России славословили деятельность Канкринина, превозносили его мнимые заслуги, называли “русским Кольбером”. Без всяких оснований Канкринина изображали чуть не гением в области финансов. В действительности же... воззрения Канкринина и его практическая деятельность были глубоко консервативными и нередко реакционными» [Там же, с. 38].

В конечном счете все советские историки единодушно признавали реакционный характер экономической теории Канкринина, защиту им крепостнической системы⁵¹. «Канкрин, — пишет историк финансов С. Я. Боровой, — сознательно задерживал развитие промышленности, так как видел в рабочем классе угрозу существующему строю. Почти полностью прекратил кредитование промышленности, не допускал создания частных банков» [Боровой, 1973, с. 328]⁵².

Только в самом конце советского периода мы можем обнаружить положительные оценки деятельности Канкринина. К примеру, П. А. Зайончковский (1904–1983), ведущий исследователь российской бюрократии, писал: «После М. М. Сперанского Канкрин был ведущим умом в правительстве» [Зайончковский, 1978, с. 116].

⁵¹ Историк экономической мысли В. М. Штейн лишь кратко указывает на Канкринина как на недалекого человека: «Канкрин, будучи даже министром финансов, оставался, в сущности, кассиром. К государственному хозяйству он усердно применял копеечные приемы домашнего скопидомства» [Штейн, 1948, с. 72]. В своих работах по истории экономической мысли В. Н. Замятин, рассматривая вклад «великих русских революционных демократов» (т. е. бывших героев интеллигенции), уделяет Канкрину мало внимания. Обвиняя его в авантюризме, Замятин пишет: «В этом отношении представляют интерес социально-экономические воззрения консервативного государственного деятеля и реакционного экономиста Е. Ф. Канкринина... Он, подобно многим иностранцам, был “на ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока”» [Замятин, 1958, с. 7].

⁵² В другом месте Боровой пишет: «...Канкрин в действительности был одним из самых реакционных государственных деятелей своего времени» [Боровой, 19616, с. 281].

7. Канкрин и «русская школа»

Последний по времени, постсоветский анализ идей Канкринина был предпринят в рамках концепции «русской школы» академика Л. И. Абалкина. Эта концепция является составной частью кампании конца 1990-х годов, призвавшей «учиться у классиков русской экономической литературы». Согласно Абалкину, центральными идеями «русской школы» были вера в ведущую роль государства, поддержка сельского хозяйства и протекционизм. Демиургом «русской школы», несомненно, представлялся С. Ю. Витте.

Наряду с публикациями, посвященными Витте, появилось несколько работ и о Канкрине, в которых возрождалась идея о том, что Канкрин был экономистом в духе протекционера Ф. Листа. И. А. Бобров и О. С. Боброва, например, пишут: «Апология воспитательного протекционизма у Канкринина явно близка теории Листа и предшествует воззрениям самого Витте» [Бобров, Боброва, 1999, с. 141].

По мнению И. В. Ружицкой, «еще в домарксистской историографии сложился миф о неконструктивности государственной и пагубности практической политики Николая I. Между тем царствование Николая можно рассматривать как время подготовки к преобразованиям 1860-х годов» [Ружицкая, 1996, с. 2]. Далее автор указывает на особую прогрессивность идей министра финансов.

На радиостанции «Эхо Москвы» историк А. А. Левандовский уделил много внимания положительным моментам управленческой деятельности Канкринина. «Будучи просвещенным человеком, ты занимай свое место и делай карьеру. Если ты хорошо просвещен и дисциплинирован, ты можешь дойти до самого верха. Самое главное просвещение должно быть такое, чтобы оно не нарушало порядок, а укрепляло его. Это можно воспринимать как класс, весь вопрос, чему учитель учит, какие у него установки. А учит в первую очередь дисциплине — подчиняться, исполнять указания и не рассуждать» [Левандовский, 2002]⁵³. В другой передаче Левандовский говорил о «безупречном» министре [Левандовский, 2010].

В соответствии с представлениями «русской школы» Канкрин, в отличие от современных «молодых реформаторов», понимал, что невозможно быстро перестроить экономическую систему или применять только «западные» экономические теории. А. С. Сенин, явно намекая на кризисную ситуацию вокруг огромного внешнего долга, вызванную «либеральными» экономическими реформами 1990-х годов, полагает, что младореформаторы забыли об идеях Канкринина, который «учил Россию не жить в долг» [Сенин, 1999, с. 60–61]. По мнению А. Н. Дубянского, «Канкрин считал, что реформирование денежно-кредитной сферы должно проходить в контексте общеэкономических реформ, а не быть самоцелью» [Дубянский, 1990, с. 109]. По словам В. Е. Юродского, «реформаторы российских финансов более поздних периодов — С. Ю. Витте и Л. Н. Юровский — высоко оценивали деятельность Канкринина и, возможно, частично использовали его опыт. В истории отечественной экономики Канкринину, безусловно, принадлежит почетное место» [Юровский, 2000, с. 145].

Таким образом, к началу XXI в. большинство российских экономистов обратились к попыткам найти самобытную экономическую традицию, которая смогла бы

⁵³ Историк Л. М. Лященко считает Канкринина одним из лучших российских министров финансов XIX в. [Лященко, 2002].

противостоять «западным» течениям. До сих пор так и неясно, какое место в этом затянувшемся поиске займет экономическая мысль Е. Ф. Канкрина.

8. Заключение

Основной вывод проведенного исследования состоит в том, что определенные системные дефекты двух дисциплин — как изучения российской истории, так и исследования истории экономической мысли — придают «социальной эпистемологии» [Fuller, 1988] в России специфический характер. В России идеология, т. е. «дорога», ведущая от коллективной памяти до исторических «фактов», приобретает иные повороты, чем предполагали даже такие мыслители, как Ролан Барт или Мишель Фуко. Здесь главные исторические символы находятся на зыбкой почве, что делает процессы манипуляции общественным сознанием самобытными.

Наше исследование о формировании образа Канкрина в общественном сознании констатирует именно *стихийность* процесса коллективного воспоминания. Образ Канкрина является как бы коллажем, сформированным *снизу* разнообразными группами, каждая из которых преследовала свои интересы и отличалась своим собственным видением.

Литература

- Ассигнации и система Канкрина // Голос. 1866. 20 сент. № 260. С. 1–2.
- Безобразов В. П. О влиянии экономической науки на государственную жизнь в современной Европе. СПб.: Имп. Акад. наук, 1867. 31 с.
- Безобразов В. П. Финансовое право I-го класса Имп. Алекс. Лицея. 1877–1878. Стеног. СПб., 1878. 421 с.
- Бенедиктов В. Г. Сочинение В. Г. Бенедиктова / под ред. Я. П. Полонского. Т. 2. М., 1902. 285 с.
- Бесценное на Неве. Предисловие к (частичному) русскому переводу: Cancrin “Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften”. Экономика человеческих обществ и финансовое устройство // Прибавление к №№ 10, 11 в газете «Деятельность», 22 июня, 5 июля 1868. С. 1–30.
- Блиох И. С. Финансы России XIX столетия. 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. 431 с.
- Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.: Академия наук СССР, 1940. 289 с.
- Бобров И. А., Боброва О. С. К вопросу о русских предшественниках экономических теорий С. Ю. Витте: “придворная политэкономия” первой половины XIX в. // С. Ю. Витте. Выдающийся государственный деятель России: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения С. Ю. Витте. СПб.: Лики России, 1999. С. 136–144.
- Боголюбский И. С. Опыт горной статистики в русской империи. СПб., 1878. 216 с.
- Божеянов И. Н. Граф Егор Францевич Канкрин. Его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерства финансов. СПб.: Издание гр. И. В. Канкрина, 1897. 249 с.
- Боровой С. Я. Канкрин Е. Ф. // Большая Советская энциклопедия. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Боровой С. Я. Економічні погляди А. О. Скальковського // З історії економічної думки на Україні / под ред. Б. О. Ландиш. Киев: АНУ РСР, 1961а. С. 56–75.
- Боровой С. Я. К истории промышленной политики России // Исторические записки. 1961б. Т. 69. С. 276–290.
- Бунге Н. Х. Мысли графа Канкрина о бумажных деньгах // Русский Вестник. Т. 54. 1864. С. 361–390.
- Вернадский И. В. Очерки истории политической экономии. СПб.: Экономический указатель, 1858а. 240 с.
- Вернадский И. В. Проспект политической экономии. СПб.: Экономический указатель, 1858б. 64 с.
- Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М.: Русский архив, 1892. Ч. 6. 195 с.; Ч. 7. 254 с.
- Гольдштейн И. М. Отзыв о книге М. Н. Соболева. Таможенная политика в России (1911) (отыск из отчетов о премиях и наградах за 1912). СПб., 1916. 5 с.

- Горлов И. Я. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen (соч. Канкрина) // Отечественные записки (отдел «Критика»). 1846. Т. 49, № 5. С. 1–16.
- Горлов И. Я. Начало политической экономии. Т. 1–2. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1862–1862. Т. 1. 1859. 495 с.; Т. 2. 1862. 558 с.
- Граф Канкрин и его очерки политической экономии и финансы. В трех частях. СПб., 1894. 299 с.
- Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб.: Изд. Н. Страхов, 1890. 678 с.
- Двенадцатилетняя финансовая деятельность гр. Канкрина // С.-Петербург. ведомости. 1866. 23 апр. № 108. С. 1–2.
- Дема Е. «Забытый министр» // Армейский сборник. 1997. № 10. С. 76–78.
- Донесение агента М. Ф. Барона Мейендорфа. 1833–1836. Канцелярия министра Финансов // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 72.
- Дубянский А. Н. Е. Ф. Канкрин — реформатор российской финансовой системы // Гуманитарные науки. 1990. № 1. С. 106–112.
- Дубянский А. Н. Проблема параллельных денег в Российской империи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 136 с.
- Заболоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 1–4. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 356 с. Т. 2, ч. 1. Управление Министерством государственных имуществ. С. 177–178.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Замятин В. Н. Русская экономическая мысль в период кризиса феодально-крепостнической системы и отмены крепостного права (1825–1861 гг.) М., 1958. 45 с.
- Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб.: Изд.-во Д. Е. Кожаничкова, 1873. 618 с.
- История экономических учений: учеб. для вузов / под ред. В. С. Адвадзе, А. С. Квасова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 391 с.
- Канкрин А. Е. Овцеводство в Екатеринославской губернии в 1868 и 1869 годах. Екатеринослав: Тип. Я. М. Чаусского, 1870. 58 с.
- Канкрин И. В. Еврейские земледельческие колонии Александровского уезда, Екатеринославской губернии. Екатеринослав: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1893. 259 с.
- Канкрин Е. Ф. Наставление. 26 апр. 1840. Записки и доклады министра финансов. Общая Канцелярия министра Финансов // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 98.
- Канкрин Е. Ф. Обзор примечательных действий. 12 марта 1843 // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 105.
- Канкрин Е. Ф. Экономика человеческого общества и состояние финансов / пер. О. И. Сеньковского. СПб., 1846.
- «Канкрин Е. Ф.» // Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях. Берлин: Тип. Розенталя, 1876–1906. Т. 2. Ж–М. 1880. С. 100–102.
- «Канкрин» // Большая Советская энциклопедия. М., 1936. С. 77.
- «Канкрин Е. Ф.» // Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 630.
- «Канкрин Е. Ф.» // Русские люди. СПб.: Изд. М. Вольфа, 1866. Т. 1. С. 389–399.
- «Канкрин Е. Ф.» // Справочный энциклопедический словарь. СПб.: Изд. К. Крайя, А. В. Старчевского. Т. 5. СПб., 1847. С. 480–481.
- «Канкрин Е. Ф.» // Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г. А. Леера. СПб.: Тип. В. П. Безобразова, 1883–1897. Т. 4. 1889. С. 120.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 1998. 832 с.
- Катыхова Л. А. Е. Ф. Канкрин и проблема протекционизма // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения: сб. докл. и сообщений. М., 1992. С. 59–66.
- Кейзерлинг А. Ф. Гр. Е. Ф. Канкрин // Русский Архив. 1866. № 1. С. 113–126.
- Княжевич А. М. Гр. Е. Ф. Канкрин // Петербургский листок. 1866. № 33. С. 4.
- Лебедев В. А. Граф Егорь Францович Канкрина. Очерк жизни и деятельность. СПб.: Тип. Главное управление уделов, 1896. 19 с.
- Левандовский А. А. Не так. 04.05.2002. НИКОЛАЙ I [Электронный ресурс]. URL: www.echo.msk.ru/programs/netak/18394 (дата обращения: 04.05.2002; 11.05.2002).
- Левандовский А. А. Не так. 15.05.2010 «Безупречный Министр. Министр Финансов Канкрин» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/netak/679669-echo> (дата обращения: 01.05.2014).

- Лист Ф. Национальная система политической экономии / пер. К. В. Трубникова. СПб.: А. Э. Мертенс, 1891. 452 с.
- Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. 312 с.
- Лонгинов М. Н. Граф Канкрин // Русский Архив. 1866. № 2. С. 271.
- Любимов П. В память графа Е. Ф. Канкрин // Петербургский листок. 1868. № 144. 12 окт. С. 1.
- Лященко Л. М. Не так. «Александр II» 11.05.2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/netak/18452/> (дата обращения: 01.05.2014).
- Мейендорф А. К. Опыт прикладной геологии преимущественно северного бассейна Европейской России. СПб., 1849. 191 с.
- Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. 788 с.
- Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1899): опыт исторического обзора: в 3 т. Харьков: Тип. Кн. К. Н. Гагарина, 1899. Т. 1. 606 с.
- Мигулин П. П. Экономический рост Русского государства за 300 лет. 1613–1912. М., 1913. С. 77.
- Миклашевский А. Н. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895. 732 с.
- Морозов Ф. М. Книга, извращающая историю русской экономической мысли // Большевик. 1944. № 78. С. 36–40.
- Морозов Ф. М. Консервативные и реакционные идеологи дворянства // История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 2. 1800–1861 гг. / под ред. А. И. Пашкова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 871 с.
- Муравьев С. С. Граф Канкрин и его финансовая система по отношению к нашему времени // Отечественные записки. 1865. Июль. Кн. 1. С. 87–112.
- Мысли, возводившиеся по поводу обсуждения графа Канкрин // Русский. 1876. № 21. С. 345–352.
- О Графе Канкрине // Таврические губернские ведомости. 1847. № 20. 20 мая. С. 79.
- П. М. Взгляды русского министра первой половины XIX столетия // Отечественные записки. 1866. Т. 164, № 2, кн. 2. С. 271–288.
- Петишикина С. Н. Министры финансов России XIX в. М.: Ин-т экономики Рос. акад. наук. Отд. стат. и экон. анализа, 1995. 42 с.
- Письма Канкрин Е. Ф. Скальковскому А. А. 1838–1842 // О. Р. Пушкинский дом (ИРЛИ). Ф. 265. Оп. 2. Д. 7526. Л. 1–3.
- Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.: Партиздат, 1933. 544 с.
- По поводу столетия рождения гр. Канкрин // Московские ведомости. 1874. 27 ноября. № 297. С. 2.
- Предтеченский А. В. История основания Мануфактурного совета // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. Сер. 7. № 5. С. 375–393.
- Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. М.: ВНИИЛМ, 2004. 456 с.
- Рибоьер А. И. Записки гр. Александра Ивановича Рибоьера // Русский Архив. 1877. Кн. 2, № 5. С. 5–36.
- Ружицкая И. В. Граф Е. Ф. Канкрин // Преподавание истории в школе. 1996. № 3. С. 2–6.
- Рецензия на Божерянов (1897) // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 5. 6 янв.
- Семенкова Т. Г., Семенов А. В. Денежные реформы России в XIX веке. СПб.: Изд. Фирма «Марафон», 1992. 143 с.
- Семенкова Т. Г., Карамова О. В. История русской экономической мысли. М.: Финансовая академия, 1999. Ч. 1. 156 с.
- Сементовский Р. И. Е. Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. СПб.: Жизнь замечательных людей. Биограф. 6-ка Ф. Павленкова, 1893. 94 с.
- Сенин А. Егор Канкрин. «Я учил Россию не жить в долг» // Российская Федерация сегодня. 1999. № 2. С. 60–61.
- Сивков К. В. Финансовая политика имп. Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4, ч. 2 (Славянство в начале XIX в.). М., 1914. С. 119–137.
- Скальковский К. А. Наши государственные и общественные деятели. 2-е изд. СПб., 1890. 586 с.
- Скальковский А. А. Каменно-угольная промышленность в Новороссийском крае (оттиск из Журнала Министерства внутренних дел). СПб., 1847. Ч. 17. 42 с.
- Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. 233 с.
- Соболевский. «Канкриниада» // Русский архив. 1897. Кн. 3. С. 297–298.
- Сперанская Л. Н. История отечественной экономической науки (XIX в.): Курс лекций. М.: Теис, 1998. 133 с.

- Судейкин В. Т. Протокол XVII Общего Собрания гг. членов Исторического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете 20 фев. 1891 г. // Историческое обозрение. СПб., 1891. С. 21–27.
- Татар И. На «огненном стуле» // Санкт-Петербургские ведомости. 1995. № 103(1031). 20 июня. С. 4.
- Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем // Избранное / отв. ред. Л. И. Абалкин. М.: Наука, 1997. 735 с.
- Туманова Л. В. Канкрин Е. Ф. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия / под ред. А. М. Румянцева. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 95.
- Федорченко В. И. Канкрин Е. Ф. Императорский дом: Выдающиеся сановники // Энциклопедия биографий: в 2 т. Красноярск: Бонус, 2003. Т. 1. С. 518–520.
- Хромов П. К. История русской экономической мысли // Большевик. 1944. № 6. С. 36–45.
- Цаголов Н. А. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956. 464 с.
- Шенелёв Л. Е. Е. Ф. Канкрин и торгово-промышленная политика финансового ведомства (1823–1844) // Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 2001. С. 145–226.
- Шилов А. П. Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрин. СПб.: Тип. Кулиша П. А., 1864. 27 с.
- Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. 358 с.
- Шугуров М. Ф. История Евреев в России (1817–1835) // Русский Архив. 1903. № 9. Кн. 3. С. 10–42.
- Шулепников М. Мысли о русской промышленности. СПб., 1830. 72 с.
- Юровский В. Е. Министр финансов Е. Ф. Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 140–145.
- Advances under Alexander I and Nicholas I [Electronic resource]. URL: www.essaybank.co.uk/free_coursework/170 (accessed: 01.7.2014).
- Blackwell W. The Beginnings of Russian Industrialization. 1800–1860. Princeton: Princeton University Press, 1968. 484 p.
- Blanqui A. Histoire de l'Economie Politique en Europe, depuis les anciens jusqu'à nos jours. Vol. 1. Paris, 1837. 520 p.
- Blum J. Lord and Peasant in Russia, from the Ninth Century to the Nineteenth Century. 2d ed. Princeton: Princeton University Press, 1961(1963). 656 p.
- Canrcin G. Aus den Reistagbüchern des Grafen Georg Kankrin, ehemaligen kaiserlich russischen Finanzministers, aus den Jahren 1840–1845: Mit einer Lebensskizze Kankrin's nebst zwei Beilagen / ed. by A. Keyserling. 2 Bd. Braunschweig: Leibrock, 1865. Bd.1. 288 S. Bd. 2, 261 S.
- Canrcin G. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen — von einem ehemaligen Finanzminister. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung, 1845. 346 S.
- Canrcin G. Im Ural und Altai: Briefwechsel zwischen Alexander von Humboldt und Graf Georg von Kankrin aus den Jahren 1827–1832. Leipzig, 1869. 120 S.
- Canrcin G. Fragmente über die Kriegskunst, nach Gesichtspunkten der militärischen Philosophie. St. Petersburg: J. Lesznowski, 1809. 135 s.
- «Canrcin G.» // Nouvelle Biographie Générale depuis Les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1860. Vol. 18. P. 450.
- Cardonne Ch. Étude Biographique. Georges Canrcine // Journal de St. Pétersburg. Dim. 1860. 19 Juin. N. 137. P. 558; Merc. 22 Juin, N 139. P. 565–566; jeudi 23 juin, N 140. P. 569; vendredi 24 Juin, N 141. P. 573–574; samedi, 25 Juin, N 142. P. 577–578; dimanche 26 Juin, N 145. P. 581–582.
- Cummins Ph. Russia. 1800–1914. Problems, Issues, Sources, Skills. 2 ed. Cambridge, 2001. 203 p.
- Disraeli B. Coningsby; or the New Generation. 4th ed. 3 vols. London: Henry Colburn, 1845. Vol. 2. 314 p.
- Dixon S. The Modernization of Russia, 1676–1825. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 227 p.
- Esquisse historique sur le Prince Drucki Lubecki. Versailles: imprimerie cerf., 1865. 64 p.
- Evtuhov C., Stites R. A History of Russia: Peoples, Legends, Events, Forces. Boston, 2003. 840 p.
- Finanse Rossyi w XIX wieku. Petersburg, 1882.
- Fritsch Th. Handbuch der Judenfrage: Die wichtigstem Tataschen zur Beurteilung des Jüdischen Volkes. 40 Auf. Leipzig: Hammer-Verlag, 1936. 574 p.
- Fuller S. Social Epistemology. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 314 p.
- Harcave S. Russia: A History. New York, 1959. 701 p.
- «Kankrin, Jerzy» // S. Orgelbranda. Encyklopedia Powszechna. T. 8. 1900. S. 77.
- «Kankryn (Canrcin), Jerzy» // Wielka Encyklopedia Powszechna ilustrowana. T. 33. Warszawa, 1903. S. 636.

- Kingston-Mann E.* In Search of the True West. Culture Economics and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press, 1999. 301 p.
- Kirchner W.* Russian History. New York: Harper, 1948; 1991. 404 p.
- Köppen P.* Russlands Gesamt-Bevölkerung im Jahre 1838. Petersburg: Kaiserl. Akad. d. Wiss., 1843. 260 S.
- Köppen P.* Statistische Reise ins Land der donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850. St. Petersburg: Kaiserliche Academie der Wissenschaften, 1852. 254 S.
- Lincoln B.* Nicholas I. Emperor and Autocrat of all the Russias. Bloomington: Indiana University Press, 1978. 424 p.
- Lincoln B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened-Bureaucrats. 1825–1861. Dekalb: Northern Illinois Press, 1982. 297 p.
- Nolcken M.H. von.* Der russische Finanzminister Graf Georg Kankrin und seine Handelspolitik. Riga: Baltischen Monatsschrift, 1909. 99 S.
- Pares B.* A History of Russia. New York, 1926. 611 p.
- Pintner W. McKenzie.* Russian Economic Policy under Nicolas I. New York: Cornell University Press, 1967. P.291.
- Pintner W. Kankrin G.* // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History / ed. by J. Wiecznski. Gulf Bruze, Florida: Academic International Press 1980. Vol. 15. P.230–234.
- Pipes R.* Solzhenitsyn and the Jews // New Republic. 2002. November 25 [Electronic resource]. URL: magazines.eneews.com/doc.mhtml?i=20021125&s=pipes112502 (accessed: 01.07.2014).
- Raeff M.* Michael Speransky, Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. The Hague: Martinus Nijhoff, 1957. 387 p.
- Roscher W.* Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland. Munich: Oldenburg, 1874. 1085 p.
- Sainty G. S.* Noble Families of Jewish Ancestry [Electronic resource]. URL: www.chivalricorders.org/nobility/nobjews.htm (accessed: 02.07. 2014).
- Schmidt A.* Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin (1823–1844). Eine finanzhistorische Studie // Russische Revue. 1875. Bd. 7. S. 37–66, 97–138, 215–240.
- Schudson M.* Watergate in American History: How We Remember, Forget and Reconstruct the Past. New York: Basic Books, 1992. 304 p.
- Seraphim H.-Jürgen.* Die Deutsch-russische Schule, eine kritische Studie // Jahrbücher für Nationalökonomik und Statistik. Ser. 3. 1924. Bd. 67. S. 319–329.
- Smith K. E.* “Searching for a New Russian Idea”: Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca: Cornell University, 2002. 256 p.
- Stafford R. A.* Scientist of Empire: Sir Roderick Murchison. Cambridge, 1989. 308 p.
- Sternegg I.* Cancrin, Georg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 3. Leipzig, 1876. S.742–746.
- Stieda.* Wilhelm Russische Zollpolitik // Schmollers Jahrbuch für Verwaltung und Volkswirtschaft. Bd. 8. 1883. S. 173–237.
- Tikhomirov L.* Russia. Political and Social. London, 1892. 626 p.
- Verdery K.* The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. New York: Columbia University Press, 1999. 223 p.
- Vernadsky G.* Political and Diplomatic History of Russia. Boston: Little, Brown and Company, 1936. 499 p.
- Weimarer historisch-genealoges Taschenbuch des gesamten Adels jehudäischen Ursprunges. München: Kyffhäuser-verlag, 1912. Jg. 1. 607 s.
- Wren M.* The Course of Russian History. 3 ed. New York: Macmillan, 1968. 750 p.
- Zweynert J.* Eine Geschichte des ökonomischen Denkens in Russland. 1805–1905. Marburg: Metropolis verlag, 2002. 475 S.

Статья поступила в редакцию 19 июня 2014 г.